

Бронислава РУНТ

Скорбная улыбка

(О стихах Анны Ахматовой)

Существует у некоторых женщин такая улыбка: глаза большие, смотрят грустно и вопросительно, в то время как на губах играет тонкая, покорная и ласковая усмешка. Большею частью такая улыбка представляет собой самую характерную черту лица. Отнимите у женщины эту печальную усмешку, и ее лицо утратит ту жуткую прелесть, которой всегда полон для нас намек на таинственное. Зачастую такая улыбка говорит нам, если мы наблюдательны, гораздо более, чем целые часы задушевных бесед, в которых кропотливо излагаются малейшие факты и события. В этой улыбке можно прочесть все: и обманутые надежды, и болезненное недоверие к чужим взглядам, к чужим признаниям, и даже тонкую насмешку над хрупкими грезами собственной юности, давно безжалостно разбитыми жизнью. Такая улыбка обыкновенно бывает у умных, немного усталых, скрытных и наблюдательных женщин. Если бы расшифровать эту пленительную гримаску, если бы перевести на слова это едва заметное движение губ, то мы получили бы стихи Анны Ахматовой, самые лучшие из ее стихов, те, в которых она остается сама собой, никому не подражая и задаваясь теми ей чуждыми и несвойственными.

Стихи * Анны Ахматовой — это раскрытая душа современной чуткой, культурной городской женщины, с виду избалованной и счастливой. Деревня, несмотря на то, что поэтесса нередко пишет о забытой усадьбе, о прудах и старинных портретах, или остается случайным фоном для ее личных переживаний, или же вызывает в ней тоскливое недоумение. Чувствует-

* Ахматова А. Четки. СПб.: Изд-во «Гиперборей», 1914.

ся, что мятежная душа горожанки не мирится с застоявшимся укладом деревенской жизни, хотя в то же время ее художественно развитая натура отдает должную оценку тому «стилю», которым дышит для нас хотя бы самый незначительный памятник подлинной старины:

...И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous».

.....
Последний луч, и желтый и тяжелый
Застыл в букете ярких георгин.
И, как во сне, я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.

Эта мимолетная и не слишком своеобразно воспринятая воображением современного человека картина на минуту воскресшего прошлого. Но тут же в этой же книге мы находим такое стихотворение:

Здесь все то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме, у дороги непроезжей,
Надо рано ставни запирать.
Тихий дом мой пуст и неприветлив.
Он на лес глядит одним окном...

Разве эти строки не достаточно ясно свидетельствуют нам о том, что между поэтессой и окружающей ее деревней давно порвалась всякая связь, что даже мечты этой прирожденной горожанки кажутся неуместными в этой мирной обстановке?..

Анна Ахматова пишет много о любви, или, вернее, о тех острых, сладостно-мучительных пытках, которыми дарит ее любовь. Но это не любовь старинных романсов, где неизменными спутниками и атрибутами являются луна, соловей, сирень или черемуха, край оврага или забытая, источенная червями деревянная скамейка. Нет, в лучших, в более удачных стихотворениях мы встречаем залитые электричеством рестораны, моторы и нередко упоминания о той или иной части элегантного туалета горожанки. А о своей любви, о своих страданиях она говорит полупамятом, вскользь, одной печальной, едва приметной улыбкой разочарования:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
И моего коснулся платя он...
Свежо и остро пахло морем.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
 И моего коснулся платья...
 Как непохожи на объятия
 Прикосновенья этих рук!

Анна Ахматова пишет удивительно просто: она ничего не преувеличивает, когда рассказывает о ресторане, где играла музыка и где были сервированы устрицы; нет ни одного лишнего банально-жалобного слова... но «как непохожи на объятия прикосновенья этих рук», — и читателю до боли понятна скорбь ее души. Вот еще одно, похожее на предыдущее, стихотворение, в котором, как и в первом, поэтессе удастся мимолетно, повествуя о прогулке в автомобиле, рассказать о том, что ее уже разлюбили и как больно ей это сознание:

Перо задело о верх экипажа.
 Я поглядела в глаза его.
 Томилось сердце, не зная даже
 Причины горя своего.
 Безветрен вечер и грустью скован
 Под сводом облачных небес,
 И словно тушью нарисован
 В альбоме старом Булонский Лес.
 Бензина запах и сирени,
 Насторожившийся покой...
 Он снова тронул мои колени
 Почти не дрогнувшей рукой.

Если сердечные раны современной культурной женщины и залиты коллодием условностей и забинтованы путами рассудка, они тем не менее побаливают и нет-нет — да дают о себе знать:

Настоящую нежность не спутаешь
 Ни с чем. И она тиха.
 Ты напрасно бережно кутаешь
 Мне плечи и грудь в меха.
 И напрасно слова покорные
 Говоришь о первой любви.
 Как я знаю эти упорные,
 Несытые взгляды твои!

Во всей книге Анны Ахматовой нельзя найти ни одной строфы, ни одной строки, которая дышала бы безмятежным счастьем или покоем довольной женщины. Правда, об этом вечном, мучительном неудовлетворении своей души, постоянно жаждущей иной любви, непохожей на ту, что ей дает действительность, тонкая и чуткая поэтесса рассказывает так ненавязчиво, так художественно и так целомудренно:

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

Анна Ахматова, сама такая сдержанная, особенно не мирится с той невозмутимостью мужчины, которая, маскируясь внешней корректностью, наносит самые чувствительные обиды женскому сердцу:

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

А в другом стихотворении мы читаем:

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся.
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся...
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи...

Но, повторяю, на протяжении всех 127 страниц мы не встречаем ни малейшего намека на счастливое переживание, на торжествующую, победную любовь. Более того, даже в то мгновение, когда поэтесса чувствует, что в ее сердце вспыхивают искры новой любви, она не может отогнать гнетущее сознание о недолговечности чувства, о разрыве, который неминуемо последует, и не по ее вине:

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах! Не трудно угадать мне вора, —
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Как вы видите, Анна Ахматова пытается даже шутить, мило, тонко и безжалостно. Под этой шуткой скрывается целая

драма: недоверие к будущему из-за обманов прошлого. Дело в том, что в душе этой изысканной парижанки, катающейся на автомобилях и кутающей зябкие руки в муфту, все еще не умирает мечта о каком-то безмятежном, буколическом счастье вдвоем. Город, с его ускоренным темпом жизни, с его кинематографической сменой явлений и ощущений, не смог окончательно переобразовать ее психику, и поэтесса с подавленным, немым укором и с одной усмешкой следит за другом-мужчиной, давно усвоившим, вместе с городской культурой, и всю несложную этику «городской» любви.

Книга Анны Ахматовой, помимо ее чисто художественных достоинств, интересна еще и как иллюстративный материал к тому психологическому кризису, к тому перелому, который переживает современная женщина на пути к завоеванию внутренней свободы, без которой все внешние раскрепощения женщины явятся одной лишь фикцией.

